РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК Институт восточных рукописей

МОНГОЛЬСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК Институт истории и археологии

ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИЙ МИР В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

Материалы научной конференции памяти Сергея Григорьевича КЛЯШТОРНОГО (1928–2014)

> 16–17 февраля 2015 г. Санкт-Петербург

> > Санкт-Петербург Улан-Батор 2016

Сергей Григорьевич Кляшторный

СОДЕРЖАНИЕ

С. Г. Кляшторный — Ученый и Учитель
С. Г. Кляшторный глазами коллег и учеников
Доклады
Ф. М. Асадов. Хазары и барсилы в исследованиях С. Г. Кляшторного 48 Д. Д. Васильев, В. В. Тишин. Сергей Григорьевич Кляшторный
(04.02.1928-21.09.2014)
И. В. Кульганек. Монголия и монголы в фотообъективе Сергея Григорьевича Кляшторного — археолога, историка и этнографа 67 Д. А. Носов. О вкладе С. Г. Кляшторного в изучение
взаимодействия фольклора и литературы
А. С. Сараев . Дискуссия о происхождении ранних тюркоязычных народов и вклад в нее С. Г. Кляшторного
В. В. Тишин . Работы С. Г. Кляшторного и некоторые проблемы социальной истории Тюркского каганата VI–VIII вв
Тезисы докладов
И. Ф. Попова . С. Г. Кляшторный: жизнь в науке
С. Г. Кляшторного в 1950–1964 гг
«Истории татар с древнейших времен»
военного востоковедения
друга и учителя Сергея Григорьевича Кляшторного
и «Тюркологический сборник»
и российская тюркская филология

Статьи

1. К. Абоиев. К проблеме взаимосвязи Енисеиских надписеи
и современного киргизского языка
Н. Б. Бадмацыренова . Временной порядок и формы
изъявительного наклонения в монгольском языке
А. А. Бурыкин. Алтайская теория в свете сравнительно-
исторического языкознания, ареальной лингвистики
и смежных гуманитарных дисциплин
Р. М. Валеев, О. Д. Василюк . Тюркологическое наследие
А. Е. Крымского на рубеже XIX–XX вв
ГР. АК. Гусейнов
Хоны Северо-Восточного Кавказа и Дагестана
и начало зарождения тюркской письменной традиции160
Ю. И. Дробышев. Каракорум и вулкан Хорго
Ю. И. Елихина. Коллекция находок экспедиции В. Л. Котвича
из городища Хара-Балгасун, хранящаяся
в Государственном Эрмитаже
А. Ш. Кадырбаев. Степные народы и периодизация истории
России в концепции ранних евразийцев
А. К. Камалов. К интерпретации этнополитонимов отуз-татар
и токуз-татар древнетюркских рунических текстов195
И. В. Кормушин. Енисейские страдания-1 (Цикл заметок
о разногласиях в чтении и интерпретации енисейских
рунических текстов, а также по времени их создания)205
И. Л. Кызласов. Енисейская эпитафия из Восточного Туркестана 216
А. М. Мокеев. К вопросу о происхождении и значении политической
титулатуры ажо и иди енисейских и алтайских кыргызов229
Simone-Christiane Raschmann. The Old Uyghurs between
East and West
Д. М. Тимохин. К вопросу о причинах начала монголо-хорезмийской
войны (1219–1221 гг.) по арабо-персидским источникам247
В. З. Церенов. Манутохай — ставка калмыцких ханов
(семантика и локализация топонима)
Резолюция конференции «Тюрко-монгольский мир в прошлом
и настоящем» памяти Сергея Григорьевича Кляшторного
(1928–2014) 16–17 февраля 2015 г
Список авторов статей и выступлений

АЛТАЙСКАЯ ТЕОРИЯ В СВЕТЕ СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ, АРЕАЛЬНОЙ ЛИНГВИСТИКИ И СМЕЖНЫХ ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН

Аннотация. Предмет статьи составляет так называемая алтайская теория, конктретно — теория генетического родства тюркских, монгольских, тунгусоманьчжурских, корейского и японского языков в ее связи со смежными дисциплинами: этнографией и археологией. Автор отмечает новейшие достижения в области алтаистики как области языкознания, пишет, что ареальные проблемы взаимодействия алтайских языков не связаны с вопросом об их родстве, показывает, что критика алтайской теории, инициированная в недавние годы археологами, неубедительна, а названия дома в алтайских языках подтверждают алтайскую теорию с лингвистической точки зрения.

Ключевые слова: алтайские языки, генетическое родство, ареальная лингвистика, ареальные связи, языковые контакты, археология, антропология, фольклор, этнография

Алтайская теория как теория генетического родства тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских языков, а также корейского и японского языков — безусловно, достояние лингвистики. Однако здесь мы встречаемся с вечными трудностями определения и разграничения объекта и предмета исследования — предметом исследования лингвистов оказываются алтайские языки, составляющие единую семью, включающую несколько групп, а объектом исследования — народы постулируемой, конструируемой или выявляемой алтайской семьи. Вне лингвистики алтайская теория выступает в качестве теории общего происхождения тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских народов, а также корейцев и японцев. Разумеется, такие проблемы, как этногенез, глоттогенез, этническая и языковая история семей и групп языков и народов связаны с разными научными дисциплинами и их направлениями. Именно интердисциплинарная дискуссионность самой алтайской теории, в частности, ее отрицание в некоторых этнографических трудах (например, [Викторова 1980], со ссылками на частные мнения лингвистов), и наконец представление ее мнимого полного опровержения в недавних работах археологов [Кызласов 2008, 2009, 2011] вызывает необходимость рассмотреть наиболее важные объемы данных и аргументы в пользу алтайской теории, построения против алтайской теории, а также данные, не являющиеся доказательными.

Алтаистика, антиалиатстика и контралтаистика. Противопоставление сторонников и противников алтайской теории как теории генетического родства алтайских языков и общего происхождения алтайских народов на самом деле не является антиномией стороников и проитивников алтайской теории. Алтаистика по крайней мере в лингвистике — теория генетического родства алтайских языков. Отрицание же этой теории имеет два лица. Антиалтаистика отрицает существование алтайской семьи из трех или пяти языковых групп в определенном хронологическом диапазоне, не отказывая при этом в существовании родственным связям этих языков на более глубоком уровне, чаще всего — ностратическом, в этом случае члены алтайской семьи входят в ностратическую макросемью на равных правах с индоевропейскими, уральскими и другими. Такие взгляды на алтайскую проблему актуализировались нечасто, отчасти вследствие ограниченной популярности самого ностратического языкознания в конце XX — начале XXI вв. Контралтаистика, понимание которой извне оформилось в 1990-е — 2000-е годы, хотя сам термин появился позже — это огульное отрицание генетического родства алтайских языков, сопровождающееся в статическом аспекте отсутствием каких-либо постулатов и гипотез о сепаратном родстве всех пяти групп алтайских языков, а в динамическом аспекте — мораторием по умолчанию на сравнительно-исторические исследования в области генетических связей алтайских языков между собой. Наиболее яркие представители контралтаистики, оставившие в каких-либо видах обоснования своей позиции — Г. Дерфер, А. М. Щербак, Б. И. Татаринцев. В их трудах можно найти лексические материалы по ареальным связям языков (которых никто из ортодоксальных алтаистов никогда не отрицал, начиная с Б. Я. Владимирцова), попытки сепартаных реконструкций (прежде всего, тюркской), суженные до шаблонов подходы к этимологическим решениям, конъюнктурные решения в сфере критериев определения заимствований и установления их направления. Характерно, что контралтаистическая позиция названных лингвистов за 60 лет своего существования вообще ничего не дала для решения проблем тюркского и монгольского глоттогенеза и дала минимум небесспорных в трактовке фактов для изучения ареальных связей тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков. Стоит отметить и то, что контралтаисты не оставили в науке прямых учеников, которые отстаивали бы те же позиции, что и названные ученые, и попытались бы дать свой ответ на вопрос о тюркском и монгольском глоттогенезе. Появление подобных взглядов вне индоевропеистики в конце 1950-х годов, когда пережитки марровского «нового учения о языке» были моментально отброшены индоевропейским

языкознанием, но не были преодолены в изучении языков других семей, в целом понятно и извинительно, но по поводу их живучести мы можем только недоумевать.

Алтаистика и сравнительно-историческое языкознание. Генетическое родство алтайских языков на сегодняшний день является доказанным и не имеет альтернатив в описании родственных связей отдельных групп алтайских языков, несмотря на разную степень изученности истории отдельных групп языков и варианты реконструкций. Итогом изучения проблемы родственных связей алтайских языков явилось составление этимологического словаря алтайских языков [EDAL 2003], чему предшествовал выход в свет фундаментальной монографии, частной проблемой которой был вопрос о генетической принадлежности японского языка к алтайской семье, а общей — детальное обоснование генетического родства языков, называемых алтайскими [Старостин 1991]. Доказательства генетического родства алтайских языков, как и вообще в сравнительно-историческом языкознании в приложении к любой языковой семье, в работах сторонников генетического родства алтайских языков (алтаистов) представляют систематические соответствия в фонетике (вне явных заимствований), морфологии и лексике. Собственно говоря, даже в незавершенном виде в работах Г. Рамстедта и Н. Поппе алтайская теория выступала как теория генезиса языков, названных алтайскими, во-первых, с достаточно мощным объяснительным потенциалом, во-вторых, без отчетливой альтернативы.

Понятно, что алтаистика как постулат о генетическом родстве алтайских языков предполагает выявление и изучение проявлений генетического родства, и прежде всего — общих черт в антропологии и разных сферах культуры народов, относимых к алтайской семье, а также — хотя бы потенциально — изучение процессов территориальной дифференциации предков современных алтайских народов и становления их материальной культуры по данным археологических памятников.

Алтаистика и ареальная лингвистика. Хорошо известно, что в лингвистике, в особенности внутри того направления, которое изучает разнообразные лексические заимствования в отдельных языках алтайской семьи и отдельных группах языков (в основном, в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках) распространено мнение, согласно которому алтайская общность сформировалась не за счет разделения единого праязыка, а за счет контактирования генетически неродственных языков, образовавших языковой союз со значительным фондом общей лексики, сходных элементов в морфологии и общих черт в синтаксисе.

В лингвистике теория алтайской семьи языков как контактного конвергентного союза изначально неродственных языков существует как некая альтернатива идее генетического родства алтайских языков. Подобная постановка вопроса не совсем корректна, во-первых, контактировать и взаимодействовать друг с другом могут и родственные языки, во-вторых, даже сторонники генетического родства алтайских языков признают факты взаимных заимствований в языках, включаемых в алтайскую общность [Грунтов 2007]. Во-первых, невозможно отрицать наличие многочисленных взаимных заимствований в монгольских и тюркских языках, монгольских заимствований в тунгусо-маньчжурских языках, монголизмов и тунгусоманьчжуризмов в якутском языке, монгольских элементов в корейском. Во-вторых, заимствования, к которым относятся не только совпадающие или сходно звучащие слова, но и слова, в которых проявляются незакономерные внутри- или межгрупповые соответствия типа маньчжурского айсин «золото» в сравнении с тюркским altin или монгольским altan, представляют огромный интерес для лингвистов-компаративистов, так как дают возможность проверять правильность групповых реконструкций и общеалтайской реконструкции, а также составлять представления о тех ныне исчезнувших алтайских языках, от которых остались только лексические заимствования в соседних группах алтайских языков или языках, не относящихся к алтайской семье. Ценным опытом изучения ранней истории тюркских языков по материалам заимствований из этих языков в языки других семей является монография А. В. Дыбо [Дыбо 2007].

Создание альтернативной, ареальной теории материальных и структурных связей алтайских языков необоснованно приписывается В. Л. Котвичу [Котвич 1962]. Внимательное изучение его труда показывает, что он, занимаясь сравнением алтайских языков, в первую очередь тюркских и монгольских, пытался написать ортодоксальную сравнительно-историческую грамматику алтайских языков, которая должна была стать первой в ряду такого рода работ после известной грамматики Б. Я. Владимирцова [Владимирцов 1929], но вышла в свет после смерти автора почти одновременно с также посмертно публиковавшимися работами Г. Рамстедта. Основной недостаток работы В. Котвича заключался в том, что он, пытаясь построить описание материала по принципу «от простого к сложному», явно не без влияния идей «Нового учения о языке», значительно затронувших неиндоевропейское сравнительное языкознание, посчитал тюркские языки наиболее архаичными в алтайской семье, что не подтвердилось впоследствии. Еще один недостаток труда В. Л. Котвича усматривается в том, что сравнения

в области морфологии осуществляются им на основе формальных сходств вне исторического (как историко-фонетического, так и морфологического) анализа. Третья проблема, исключительно сложная и с трудом поддающаяся изучению — это комплекс материала по тюрко-монгольским параллелям, собранный еще Б. Я. Владимирцовым [Владимирцов 1911] и кочующий с тех пор из работы в работу, из статьи в статью, из монографии в монографию без необходимого анализа, который учитывал бы все возможные представления как о монголо-тюркских фонетических соответствиях на уровне генетического родства — хотя бы и в разных их пониманиях, — так и характеристики фонетических субституций в тюрко-монгольских параллелях, представляющих собой результаты разновременных контактов. Здесь понятен и прогнозируем предварительный итог поисков: монголо-тюркские соответствия, представляющие результаты эволюции праалтайской системы фонем, должны быть в основном однозначными (за исключением тех случаев, когда одна фонема в одной и той же группе языков имеет по два или более рефлекса (например, общетюркский *j-, имеющий разные источники: *d-, *3-, *l-, *n-, *n'- u *j- u разные рефлексы в тюркских языках – j-, 3-, ж-, д'-,ч-, с-, h-), в то время как корреспонденции в заимствованиях, относящихся к разным периодам эволюции тюркских языков, могут соответствовать тому диапазону рассеивания рефлексов гласных и согласных, какой характерен для известных нам тюркских языков, или даже выходить за его пределы, если мы имеем дело с фактами исчезнувших тюркских языков1.

Детальное изучение объема и характера явных взаимных заимствований в отдельных группах алтайских языков [Рассадин 2007, Татаринцев 1976, Новгородов 2009 и некоторые другие работы, их обзор см.: Рассадин 2004] дает нам картину, хорошо знакомую по тем ситуациям, где при языковых контактах отмечаются массовые заимствования культурной лексики — с той лишь оговоркой, что иногда фонетическая структура слов в двух или нескольких группах языков не позволяет однозначно решить вопрос о заимствованном характере слова и определить направление заимствования.

 $^{^1}$ Так, можно с известной долей фантазии считать, что севернотунгусский глагол со значением «писать» — эвенк. $\partial y \kappa y$ -, эвен $\partial y \kappa$ - — представляет собой старый тюркизм (ср. тюрк. jaz- «писать»), заимствованный из такого языка, который имел согласный ∂ - на месте начального j-, рефлекс y- на месте - a-, как в некоторых примерах в чувашском языке, и субститут κ на месте s или s0, изменившихся внутри слова в s1, как в якутском языке. Весь вопрос будет заключаться в том, подтвердится ли другими примерами контактирование тунгусо-маньчжурских языков с тюркским языком такого типа, обладавшим перечисленными выше признаками.

Из-за этого крайне запутанным оказывается вопрос о названиях домашних животных в алтайских языках и лексики, связанной со скотоводством, где мы встречаем большое количество слов, мало изменяющихся вследствие своей фонемной структуры. Так, предположения о заимствованном характере названий лошади из монгольских в тунгусо-маньчжурские языки и в корейский язык остаются гадательными, а обнаружение якутского диалектного буур «лошадь, конь», отождествляемого с монгольским morin на общеалтайском уровне, как и обоснование системных соответствий между монг. akta (morin) и тюрк. at при регулярном выпадении преконсонантного согласного в общеалтайских сочетаниях согласных и высокочастотном отпадении конечного (исторически краткого?) гласного исключает возможность заимствования этих слов даже из монгольских языков в тюркские, не говоря о полной невозможности проникновения в монгольские языки из тюркских языков. То же — и такие же соотношения фонетической структуры слов — мы видим в паре монг. elžigen «осел» и тюрк ešäk «осел», где невозможно обосновать ни одно из двух возможных направлений заимствования. 1 На фоне таких примеров другие названия домашних животных (названия овцы, верблюда, козы) уже не выглядят явными заимствованиями. Заимствованный характер монг. takiya «курица» при тюрк. taquq «курица» — вероятный источник монгольского слова — доказывается не сходством слов, а наличием корейского *так/талк* «курица», где сохранение преконсонатного π в производных формах и в написании слова корейской графикой талк указывает на то, что древний архетип его, сохранившийся в корейском как форма корня, не представлен в монгольских языках, в которых это слово сходно с тюркским и, вероятно, заимствовано. Ответ

¹ Подобные монголо-тюркские соответствия, позволяющие отождествлять «непохожие» слова, отсутствуют в работах С. А. Старостина и в EDAL, они выявлены автором данной работы [Бурыкин 2014]. Критики алтайской теории допускают постоянно одну и ту же ошибку: вместо выявления недочетов и указаний на неполноту в работах отдельных авторов они стремятся к отрицанию самой алтайской теории. Какие-либо различия в вариантах реконструкции праязыковой системы — штатная, вполне логичная ситуация в любой области сравнительноисторического изучения языков, начиная с индоевропеистики, где разные авторы выделяют от двух (А. Мейе, А. Н. Савченко) до четырех (О. Семереньи) серий согласных, и упрекать лингвистов в неединомыслии в таких случаях некорректно. Между тем давно ясно, что алтайская теория не имеет альтернативы хотя бы потому, что сепаратные родственные связи тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков (а равно корейского и японского) за пределами данной общности не выявлены и не выявляются вообще.

на вопрос некоторых этнографов, могли ли монгольские языки иметь тюркскую основу, может быть положительным только в следующем преломлении: монгольские языки могли иметь тюркскую основу только в том случае, если пратюркское языковое состояние было полностью идентично общемонгольскому, что означало бы отношения чрезвычайно близкого родства между этими языками.

Изучение общей картины взаимных заимствований в тюркских и финно-угорских языках, чему посвящено немало специальных работ [Федотов 1990, Насипов 2009а, 20096, 2010; Тараканов 1985, 1993; Бутылов 2006] и влияния финно-угорских и тюркских языков на русские говоры в контактных зонах [Сывороткин 2005 и др.], как и в случаях с фактами позднего взаимодействия отдельных тюркских и монгольских языков, показывает, что картины явных заимствований между финно-угорскими и тюркскими языками не соответствуют материалу, отражающему генетическое родство алтайских языков. Несоответствия в этой области охватывают все стороны языка — они проявляются в составе лексики, характере морфологических сходств и в системах фонетических соответствий. В лексических заимствованиях фонетические соответствия, во-первых, являются тривиальными, вследствие чего заимствованные слова всегда похожи между собой, и, вовторых, выводимые системы соответствий на материале заимствований, почти никогда не составляют полной сети корреспонденций фонем — в массиве заимствований почти невозможно собрать соответствия всех без исключения гласных и согласных фонем в репрезентативном количестве не менее трех примеров. Однако эти материалы в целом соотносятся с фактами явных межгрупповых заимствований между отдельными группами алтайских языков и еще выразительнее — между отдельными языками, принадлежащими к разным группам алтайских языков (конкретными тюркскими и конкретными монгольскими языками, якутским и эвенкийским и т. д.).

Алтаистика и фольклор. Мы считаем возможным говорить о роли данных фольклора для исследований в области алтайской теории по следующими причинам: то, что касается бытования заимствованных сюжетов и мотивов, например, в сказках, полностью соответствует тому, что мы видим при изучении позднейших заимствований в лексике отдельных групп алтайских языков. Это касается и иррадиации тюркских сюжетов и мотивов за пределы тюркской общности — к финно-угорским народам, южнославянским народам на Балканах, народам Кавказа, народам Северо-Востока Азии (тут хорошим примером являются сказки о небылицах), и связей в области сюжетов и мотивов между тюркской и монгольской, монгольской и тунгусо-маньчжурской фольклорными традициями. Эпосы тюркских, мон-

гольских и тунгусо-маньчжурских народов сильно отличаются друг от друга в стадиальном отношении по большой архаичности севернотунгусского (эвенкийского и эвенского) эпоса, и высокой степени развития тюркского эпоса (например, «Манас»), при том, что между эпическими традициями тюркских и монгольских народов, как известно, существуют взаимные связи, известно и влияние тюрко-монгольского эпоса и якутских олонхо на эпос тунгусских народов. Существенно одно положение — фольклорные данные не свидетельствуют ни в пользу генетического родства языков и народов, ни против него, и соответственно они не могут использоваться при доказательстве или опровержении каких-либо этногенетических, и тем более глоттогенетических гипотез.

Алтаистика и этнография. Этнографические сходства, равно как и различия, не дают ответа на вопрос об изначальном родстве народов или отсутствии родства между ними. Общность хозяйственно-культурного типа доказательством родства не служит. Отдельные совпадения в материальной культуре (одежда, жилище, утварь, транспортные средства) могут как свидетельствовать о родстве и восходить к глубокой древности, так и отражать позднейшие контакты между отдельными этносами или субэтносами, принадлежащими к разным группам одной семьи. Сходства этнографического материала не дают ответа на вопрос о его истории. Методы палеолингвистической или этнолингвистической реконструкции в компаративистике еще не слишком хорошо разработаны, тем более это относится к алтаистике.

Алтаистика и антропология. На основе анализа антропологических данных установлено, что антропологические типы всех народов, говорящих на языках алтайской семьи, имеют значительную степень дисперсии [Алексеев, Гохман 1984]. В этом случае данные антропологии, как и данные этнографии, в принципе не могут свидетельствовать ни в пользу родства алтайских народов, ни против него.

Алтаистика и новейшие исследования популяционной генетики. В последние годы появляется множество исторических и археологических работ, содержащих ссылки на данные популяционной генетики, в частности, на характер митохондриальной ДНК, среди народов Якутии и сопредельных территорий. Эти методики, предложенные С. А. Федоровой и имеющие странную логику внутри биологического сектора науки и творчества автора [см. Федорова 1995; Федорова 2008], дают в целом знакомые и ожидаемые результаты [Федорова 2009] — в частности, южное происхождение якутов не нуждалось в антропологических доказательствах. Теория идентификации субстрата в Средней и Восточной Сибири с носителями культур прибай-

кальского неолита, важнейшая для верификации прибайкальской теории этногенеза тунгусов [Рычков 2004], не нашла подтверждения.

Экстраполяция методов и данных популяционной генетики на проблемы алтайской общности, приводящая, по мысли некоторых авторов, к опровержению теории родства алтайских языков с привлечением непонятных измышлений вместо методов лингвистической компаративистики [Байтасов 2014] не выдерживает критики ни по методам, ни по результатам. Давно известно, что типологическое сходство в фонетике и морфологии не является критерием родства, а различия в фонетике и морфологии не показывают отсутствия родства (ср. санскрит и современный английский языки). Кроме этого, популяционная генетика и ранний этногенез вообще не могут коррелировать по характеристикам с языками и языковыми группами как продуктами глоттогенеза, где по большому счету не учитывается ни переход носителей каких-то генов на другой язык, ни смена их этнической идентичности, ни дифференцированный культурогенез, ни какиелибо иные факторы дифференциации единых популяций. На генетических характеристиках популяции или этноса не отражаются ни двуязычие, ни многоязычие. Кроме того, популяционная генетика может изучать лишь последствия миграций и этнических смешений, не изменяющих лингвистической таксономии, но относительная изоляция территориальных групп, приводящая к образованию диалектов и позднее — языков, то есть тот процесс, который является ведущим для глоттогенеза, никак не отражается на генных изменениях или отражается на них в минимальной степени.

Алтаистика и археология. То, что хронологическая стратификация и этническая идентификация археологических культур могут быть тем источником, который будет содействовать решению этногенетических и этноисторических проблем, в целом известно. Однако археологический материал в сравнительно-историческом плане — и, что важно, в плане использования его в интердисциплинарных исследованиях — имеет ряд особенностей, создающих непреодолимые трудности при согласовании данных отдельных археологических памятников и археологических культур с этнографическими и тем более с лингвистическими данными. Прежде всего, археологические культуры не несут никаких сведений о языке, на котором или на которых говорили их носители. На найденной археологами коровьей кости не будет написано, как называли на своем языке корову те, кто ее съел. Археологические культуры Сибири и Центральной Азии дают нам сведения о хозяйственно-культурном типе их носителей, но не об этнической принадлежности их носителей даже на уровне группы этносов, и чем больше их древность, тем более гадательными остаются предположения археологов и этнографов об их этнической принадлежности на уровне предков современных этносов.

Проблема «Алтаистика и археология» в последнее время приобрела особо значимый характер в связи с появлением монографии И. Л. Кызласова с аналогичным названием [Кызласов 2011]. Основываясь на анализе типов жилищ в культурах Центральной Азии, Сибири и Дальнего Востока, И. Л. Кызласов приходит к выводу об отсутствии родства между отдельными группами языков алтайской семьи. Если руководствоваться такими аргументами, то получится, что британский и американский варианты английского языка друг другу не родственны (ведь в Лондоне небоскребов нет), но в американском английском по наличию небоскребов в Нью-Йорке можно искать родство с японским и китайскими языками одновременно... Названия тех жилищ, которыми занимается И. Л. Кызласов, на языках народов, которые их строили, на стенах этих жилищ не начертаны, и они явно не зависят от конструкции самих жилищ. Кроме этого, если верить лингвистическим выкладкам А. М. Щербака, памяти которого посвятил свою книгу И. Л. Кызласов, то нам придется признать древних тюрок пришельцами с неба, ибо их родственные связи среди «земных» этносов А. М. Щербаком так и не были установлены — и в чем же тогда заключен смысл названной работы И. Л. Кызласова, понять будет трудно.

Остановимся на проблемах теории, на которых основывается согласование археологических и историко-лингвистических данных. И. Л. Кызласов пишет, что у московских алтаистов (тех, кого А. М. Щербак любил называть ортодоксальными алтаистами) «... материалы языкознания оказались здесь подчинены давним, но сомнительным построениям ряда историков о тюркоязычности ордосских гуннов и их неведомых предков» [Кызласов 2008, с. 92]. Далее он продолжает «Показанная всем вышеизложенным глубоко зашедшая зависимость филологов от построений исторической науки, подчас довольно зыбких, весьма и весьма огорчительна: для специалистов иных гуманитарных дисциплин особенно ценны заключения, полученные при сравнительно-историческом анализе собственно лингвистического материала, недоступного для полноценной обработки в прочих областях знания. С другой стороны, совершенно понятно и то, что языковедам-алтаистам до сих пор не на что опереться, кроме представлений историков, сложившихся на основании письменных источников — развитие археологии еще недавно не позволяло получить необходимые данные» [Кызласов 2008, с. 98]. Данные утверждения в какой-то мере могут быть и верными, но гуннская проблема, волнующая умы историков и археологов, для алтаистов-компаративистов представляет собой малозначимый эпизод, значимый только в области алтайской палеоэтнолингвистики — и не более того. Язык гуннов не известен, и он не может использоваться в сравнительно-исторических исследованиях как средство объяснения каких-то процессов или фактов. Что же касается исторических связей тюркских и монгольских народов за последние два или полтора тысячеления, то они, сколько бы тут материалов ни привлекали археологи и историки, работающие с письменными текстами, не будут иметь никакого значения для решения алтайской проблемы — точно так же, как российско-германские отношения в XX в. не имеют ни малейшего касательства к индоевропейскому языкознанию.

Как бы в завершение дискуссионных рассуждений И. Л. Кызласов отмечает: «Археология встает на сторону тех языковедов, которые улавливают в близости языков процессы давнего и длительного воздействия изначально разнородных культур» [Кызласов 2009, с. 110 и сл.], см. также: [Кызласов 2011, с. 205-209]. Тут уместен вопрос: а где и когда данные археологии свидетельствовали бы в пользу генетического родства языков — носителей тех или иных культур? Располагает ли археология таким метаязыком, который в глобальном культурогенезе в масштабах континента, культурной провинции или историко-этнографической области позволил бы выявлять гомогенные культуры в период неолита, энеолита и раннего металла и отличать их от продуктов иных культурогенетических центров, заведомо соотносящихся с этносами иных семей и групп? Если лингвисты различают два типа сходств в языках — сходства родственных языков и сходства за счет заимствований, то как это делают и как это будут делать археологи в целом непонятно. Естественно, что, если археологи ограничиваются констатацией сходств контактного типа, и другое в их работах отсутствует, то им более созвучными оказываются теории ареального сходства языков, а не теории генетического родства. Проблема, как выясняется, заключается не в характере языкового и археологического материала, а исключительно в теории и методах археологии как частной научной дисциплины. Показательно, что С. Г. Кляшторный, всю жизнь занимавшийся историей тюркских и монгольских народов и археологией [Кляшторный 1964; 2006; 2010; Кляшторный, Савинов 2005], направленной на поиски предков тюрок и монголов, не только никогда не высказывался против ортодоксальной алтаистики, но с вниманием относится к разысканиям алтаистов.

Критика алтайской теории, представленная в работах И. Л. Кызласова, неубедительна по многим причинам. Во-первых, небесспорными выглядят идентификации археологических культур с этносами, во-вторых, не учитывается вариантность общеалтайской реконструкции в работах разных исследователей и ее общий, в том числе потенциальный прогресс,

в-третьих, тюркская реконструкция А. М. Щербака, как известно, также не оказывается единственной и с момента своего появления является далеко не общепринятой — не случайно с рубежа 1970-х — 1980-х гг. появляются новые сравнительно-исторические грамматики тюркских языков [Серебренников, Гаджиева 1979; Сравнительно-историческая грамматика 1984; 1988], отличающиеся от сочинений А. М. Щербака и содержанием, и богатством привлекаемого материала. Как и А. М. Щербак, не сказавший ничего о тюркском глоттогенезе, И. Л. Кызласов не смог ничего сказать о сепаратном этногенезе прототюрок вне алтайской семьи: бесперспективность поисков в этой сфере очевидна.

Рассмотрение слов со значением «дом» в тюркских языках дает следующие результаты:

В словаре Э. В. Севортяна [Севортян 1974, том 1, с. 513–515] в одно гнездо с трудно понимаемым заголовком $\theta \Breve{N}$, осложняющим поиск статьи даже для квалифицированных читателей, включены три (!) исторически разных формы названия дома, восходящие к разным лексемам, но имеющие параллели в названиях жилища и его частей в большинстве алтайских языков:

- 1) тюрк. eb «дом» соответствует тунг.-маньчж. элбэк «чум, покрышка чума», что указывает на общеалтайскую форму *elbe-k;
- 2) тюрк. ög «дом» имеет параллель в монгольском örügen 'комната'; возможно, форма *örügen в данном случае и выступает в качестве праформыархетипа, как множество архаичных монгольских форм внешне совпадает с общеалтайскими праформами или очень бюлизко к ним;
- 3) тюрк. *ju, в производном jurt «дом, владение, земля, страна» соотносится с тунг.-маньч. sy: «дом», корейск. sun «дом», нивхск. амур. sup «дом», сахалин. sup «дом» (< общенивх. *sup «дом», сюда же относится якут. sup «дом», заимствованое из тюркских языков иного (неякутского) типа. Реконструкция праформы тут затруднена, но отождествление слов особых проблем не вызывает.

Таким образом, все три тюркские лексемы со значением «дом, жилище» обнаруживают в других группах алтайских языков параллели, не являющиеся следствием заимствований. Эти факты ставят под ожидаемое сомнение вопрос, можно ли разрешить алтайскую проблему методом анализа жилых построек. Изоглоссы контактного типа тут не выстраиваются: контактирование тюрок-огузов, занимающих запад заселенной тюрками территории, с тунгусо-маньчжурскими народами выглядит сомнительным.

Археологические данные о культурах Центральной Азии (Южная Сибирь, Монголия и сопредельные территории, Дальний Восток) как в силу особенностей самого археологического материала неолита, энеолита

и раннего металла, так и в силу специфики регионов как географических провинций и иситорико-этнографических областей, в принципе не могут дать решения вопроса о родстве и характере связей алтайских языков и народов. Десятки выявленных культур в хронологическом пространстве в 6–8 тысяч лет, на огромной территории, при динамике смены мнений в археологии и в связанной с ней исторической этнографии в принципе не позволят археологам ни найти консенсус между собой внутри корпорации, ни согласовать свои данные с данными других дисциплин. Решающая роль в освещении алтайской теории принадлежит лингвистам-компаративистам, оперирующим нетривиальными, неочевидными системными сходствами в языковом материале и лишь изредка обращающимся к лингвокультуре и палеолингвистическим реконструкциям, не имеющим решающей доказательности в обсуждении проблемы и служащим лишь украшением специальных исследований.

Библиорафия

- **1.** Алексеев, Гохман 1984: *Алексеев В. П., Гохман И. И.* Антропология азиатской части СССР. М., 1984.
- 2. Байтасов 2014: *Байтасов Р. Р.* Тюркские языки: проблема родства с алтайскими, малайско-полинезийскими, индоевропейскими и некоторыми другими языками Евразии // Проблемы современной науки и образования. 2014. Вып. 4 (22) / 2014. http://cyberleninka.ru/article/n/tyurkskie-yazyki-problema-rodstva-s-altayskimi-malaysko-polineziyskimi-indoevropeyskimi-i-nekotorymi-drugimi-yazykami-evrazii.pdf
- **3.** Бурыкин 2014: *Бурыкин А. А.* О взаимном соотношении отдельных групп алтайских языков и об относительном объеме изменений в отдельных группах алтайских языков: «древние», «новые», и «новейшие» алтайские языки // Вестник Угроведения № 4 (19) 2014. С. 21–30.
- **4.** Бутылов 2006: *Бутылов Н. В.* Иноязычная лексика в мордовских языках. Автореф. дис. . . . докт. филол. наук. Йошкар-Ола, 2006.
- **5.** Викторова 1980: *Викторова Л. Л.* Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. Л., 1980.
- **6.** Владимирцов 1911: *Владимирцов Б. Я.* Турецкие элементы в монгольском языке // Записки восточного отделения Русского археологического общества. Т. 20, вып. 2–3. СПб., 1911. С. 153–184.
- **7.** Владимирцов 1929: *Владимирцов Б. Я.* Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Л., 1929.
- **8.** Грунтов 2007: *Грунтов И. А.* Общее наследие и заимствования. Древнейшие тюрко-монгольские заимствования: обязательны ли радикальные решения? // Проблемы исторического развития лексики монгольских языков. Материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург, 24–26 сентября 2007 г.). СПб., 2007. С. 44–50.

- 9. Дыбо 2007: Дыбо А. В. Лингвистические контакты ранних тюрок. М., 2007.
- **10.** Кляшторный 1964: *Кляшторный* С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964.
- **11.** Кляшторный 2006: *Кляшторный С. Г.* Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. М., 2006.
- **12.** Кляшторный 2010: *Кляшторный С. Г.* Рунические памятники Уйгурского каганата и история евразийских степей. СПб., 2010.
- **13.** Кляшторный, Савинов 2005: *Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г.* Степные империи древней Евразии. СПб., 2005.
 - 14. Котвич 1962: Котвич В. Исследование по алтайским языкам. М., 1962.
- **15.** Кызласов 2008: *Кызласов И. Л.* Новые поиски в алтаистике І. Разработки лингвистов-тюркологов // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Вып. 7. Под ред. В. И. Соёнова, В. П. Ойношева. Горно-Алтайск, 2008. С. 88–102.
- **16.** Кызласов 2009: *Кызласов И. Л.* Новые поиски в алтаистике II. Археологические разработки // Древности Сибири и Центральной Азии: сборник научных трудов. № 1–2 (13–14). Горно-Алтайск, 2009. С. 95–130.
 - 17. Кызласов 201: Кызласов И. Л. Алтаистика и археология. М., 2011.
- **18.** Насипов 2009а: *Насипов И. С.* Опыт систематизации финно-угорских за-имствований в татарском языке. Казань, 2009.
- **19.** Насипов 20096: *Насипов И. С.* Языковые контакты в Волго-Камье. Марийские заимствования в татарском языке. Стерлитамак, 2009.
- **20.** Насипов 2010: *Насипов И. С.* Финно-угорские заимствования в татарском языке: синопсис и таксономия. Автореф. дис. . . . докт. филол. наук. Казань, 2010.
- **21.** Новгородов 2009: *Новгородов И. Н.* Якутско-эвенкийские языковые взаимосвязи. Автореф. дис. . . . докт. филол. наук. Казань, 2009
- **22.** Рассадин 2004: *Рассадин В. И.* О характере тюрко-монгольских языковых отношений // Проблемы этнокультурных связей монгольских и тюркских народов. Улан-Удэ, 2004. С. 132–149.
- **23.** Рассадин 2007–2008: *Рассадин В. И.* Очерки по истории сложения тюркомонгольской языковой общности. Ч. 1–2. Элиста, 2007, 2008.
- **24.** Рычков 2004: *Рычков С. Ю.* Полиморфизм митохондриальной ДНК в населении Прибайкалья эпохи неолита: Автореф. дис. ... канд. биол. наук. М., 2004.
- **25.** Серебренников, Гаджиева 1979: *Серебренников Б. А., Гаджиева Н.* 3. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Баку, 1979. 2-е издание: М., 1986.
- **26.** Старостин 1991: *Старостин С. А.* Алтайская проблема и происхождение японского языка. М., 1991.
- **27.** Севортян 1974: *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков. Т. 1. Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М., 1974.
 - 28. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика. М., 1984.
- **29.** Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. М., 1988.

- **30.** Сывороткин 2005: *Сывороткин М. М.* Система адаптации заимствованной лексики тюркского и финно-угорского происхождения в современных русских говорах Окско-Волжско-Сурского региона: дис. ... д-ра филол. наук. Саранск, 2005.
- **31.** Тараканов 1985: *Тараканов И. В.* Удмуртско-тюркские языковые контакты. Автореф. дис. докт. филол наук. Устинов, 1985.
- **32.** Тараканов 1993: *Тараканов И. В.* Удмуртско-тюркские языковые взаимосвязи (Теория и словарь). Ижевск, 1993.
- **33.** Татаринцев 1976. *Татаринцев Б. И.* Монгольское языковое влияние на тувинскую лексику. Кызыл, 1976.
- **34.** Федорова 1995: *Федорова С. А.* Белки, специфически связывающиеся с регуляторной областью гена триптофаноксигеназы крысы. Автореферат дис. ... канд. биол. наук. СПб., 1995.
- **35.** Федорова 2008: *Федорова С. А.* Этногеномика коренных народов Республики Саха (Якутия). Автореф. дис. ... докт. биол. наук. Якутск, 2008.
- **36.** Федорова 2009: Φ едорова C. A. Якуты: генетические реконструкции в сравнении с историческими // Наука и техника в Якутии. № 2(17) 2009. C. 9–14.
- **37.** Федотов 1990: Φ едотов M. P. Чувашско-марийские языковые взаимосвязи. Саранск, 1990.
- **38.** EDAL 2003. Etymological Dictionary of the Altaic Languages, 3 Vols. / S. A. Starostin, A. V. Dybo, O. A. Mudrak (Handbook of Oriental Studies / Handbuch der Orientalistik Part 8: Uralic & Central Asian Studies, 8). Leiden. 2003.

Aleksey A. Burykin

THE ALTAIC THEORY FROM THE POINT OF VIEW OF COMPARATIVE-HISTORICAL LINGUISTICS, AREAL LINGUISTICS AND ADJACENT HUMANITARIAN DISCIPLINES

Abstract: The subject of the article is the so-called Altaic theory, or to be exact —the theory of genetic relationship of Turkic, Mongolian, Tungus-Manchu, Korean and Japanese languages in its connection with related subjects: ethnography and archeology. The author marks the advanced achievements in the field of altaistics as linguistics science, writes that areal problems of interrelations of the Altaic languages are not connected with the question of their affinity or common origin, shows that the criticism of the Altaic theory initiated in the recent years by some archeologists is unpersuasive, and house names in the Altaic languages confirm the Altaic theory from the linguistic point of view.

Keywords: the Altaic languages, genetic affinity, areal linguistics, areal communications, language contacts, archeology, anthropology, folklore, ethnography